

О КАМНЯХ И О СЕБЕ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

М.Н. Малеев

Национальный музей «Земля и люди», София, Болгария,
maleevm@abv.bg

11. Автор с доброжелательной улыбкой.
Фото: Тодор Митов, 2005 г.

Это рассказ об эпизодах моей жизни, связанных с минералами. И о мыслях, которые определяли мои действия. Многие из них были, как мне хочется надеяться, «от Бога» (илл. 11).

Семья

Моих предков я бы отнес к болгарской патриотической интеллигенции. И деды, и родители, и брат с его женой жили идеалами, которым оставались верны всю жизнь. Они были учителями, врачами, юристами, литераторами, дипломатами. Сестра отца, доктор Мара Малеева, была женой Тодора Живкова. Когда они ушли в подполье в 1944 году, мои родители взяли их двухгодовалую дочь Людмилу Живкову к нам воспитывать вместе с двумя своими малышами — моим братом и мною, и обязались вырастить девочку, если родители погибнут в антифашистской борьбе. Отец жены брата — интербригадист в Испании, отец моей жены — Герой Советского Союза, летчик-ас, депутат Верховного Совета Советского Союза. Мы росли с любовью к Советскому Союзу и советским людям. В Софии мы учились в русской школе, а последние два года, в связи с работой отца за границей, я учился в русской школе в Праге.

Мы с женой Женей — постоянные участники Бессмертного полка 9 мая. Я — с портретом двоюродного брата, в 18 лет расстрелянного раненого партизана, Женя — с портретом своего отца. Мы с братом и Женей мечтали учиться в Москве, и наша мечта сбылась. Все мы были круглыми отличниками, хотя я считал своим главным делом коллекцию минералов, а учебу и диссертацию — второстепенными по важности делами.

Любовь к камню. Горный инженер Евгений Майрович. Музеи

Камни я любил с тех пор, как помню себя. Собирал их повсюду, где мог, — на берегах рек и моря, на обнажениях в долинах ручьев и речек, в горах, на отвалах рудников, в шкафах у знакомых. Так приятно было держать камень в руках и прикладывать к щеке. Камнями я мог любоваться без конца. Моим любимым местом в Софии был зал с минералами в Природоведческом музее.

Я запоминал, как выглядят минералы, а названия минералов и месторождений повторял как молитву. В музее в Праге на Вацлавской площади я выписывал названия незнакомых минералов и читал о них дома. Гауерит, болеит, эгеран... В пражской школе мне разрешали оставаться после уроков в кабинете химии и определять паяльной трубкой минералы из школьной минералогической коллекции. Помню, как «химичка» переполошилась из-за того, что я надыхался

парами ртути, определяя мошелландсбергит, заставила пить много молока. И разрешила мне взять несколько образцов для моей коллекции.

Музеи с коллекциями минералов были для меня храмами Матери Земли. Я посетил эти музеи в десятках стран, знакомился там с сотрудниками, беззаветно любящими камни и свою работу. А самый для меня родной и любимый — это Минералогический музей имени А.Е. Ферсмана в Москве. Не только из-за исключительных образцов, экспозиций и общей атмосферы, но и благодаря сотрудникам — ныне здравствующим и работавшим там в прежние времена. Особое место в Музее — исследовательский центр Леонида Паутова. Здесь царит обстановка, создаваемая ярким созвездием на минералогическом небосклоне — людьми, для которых понедельник начинается в субботу. Ученики Лёни Паутова уже стали известными минералога-

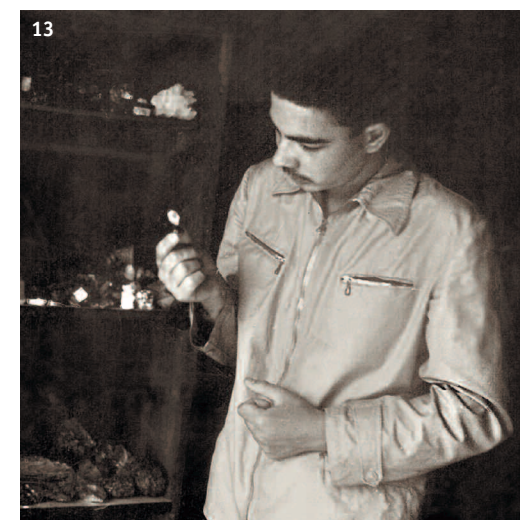
ми, и при каждой нашей встрече Лёня с гордостью рассказывает о своих новых «питомцах».

Мои первые шаги в мире камня ознаменовались знакомством с горным инженером Евгением Майровичем (илл. 12) — крупнейшим тогда в Болгарии коллекционером минералов, авторитетнейшим горным инженером, исследователем, технологом, общественником с широкими интересами. Мы дружили много лет. В Национальном природоведческом музее и Софийском университете хранятся сотни уникальных образцов минералов из месторождений, на которых он работал. Его квартира была Меккой для любителей минералов. Десятки научных работ болгарских минералогов были выполнены на материалах его коллекции — колумбит и берилл с Вишерлицы; стильбит из Фотиново; антофиллит, вермикулит, актинолит и тальк из Аврена; додекаэдрический халькопирит из месторождения Страшимир; эпидот из Нова Махала. В далекие 1950-е годы я с трепетом подходил к его дому и попадал в минералогический рай, где можно было подержать камень в руке и полистать толстую минералогию А.Г. Бетехтина издания 1950 года¹. Крупные кристаллы стояли, как солдаты, на гипсовых постаментах, а те, что поменьше — приклеенные на штырях, ввинченных в свинцовые полусферы. Сорокалетняя разница в годах не мешала нашей дружбе. Вспоминаю, с какой гордостью встречал его у нас дома, когда он пришел посмотреть мою коллекцию (илл. 13 и 14). Он с улыбкой представился моей матери: «Я Мишин друг». Он окончил Технический университет в Берлине и подрабатывал там тапером, озвучивая немые фильмы. Меня поражало, что он помнил, по каким минералам его экзаменировал профессор.

12. Горный инженер Евгений Майрович со своей коллекцией минералов, София, 1975 г.
Из семейного архива.

13. Прекрасный кристалл горного хрусталя в моей коллекции, 1955 г.

14. А путь и далек и долог, и нельзя повернуть назад. 1956 г.
Из семейного альбома.

¹ Бетехтин А. Г. (1950) Минералогия. М.: Госгеоиздат, 956 с. — Здесь и далее прим. ред.